

Ментальные картографии

КОГНИТИВНЫЕ КАРТЫ ГОРОДА КЯХТА

Татьяна Николаевна Тимофеева,

научный сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования (г. Иркутск)

E-mail: ttim66@mail.ru

В статье представлены результаты исследования пространства и жизненных практик жителей на материалах приграничного города Кяхта (Республика Бурятия). Проанализированы нарисованные информантами когнитивные карты города: выделены основные структурные элементы пространства, отмечена универсальная роль Центра, особое значение и известная автономность отдельных районов, значимость дороги, особенно в соотношении с социальными смыслами. Показано, что граница по значению и месту на карте сопоставима с другими городскими объектами; при этом она осмысливается как элемент рутины, включённый в повседневные практики и символически освоенный жителями пограничья.

Ключевые слова: когнитивная карта; граница; пограничье; городское пространство; повседневность; социальные процессы; визуальные методы; Кяхта.

УДК 528.94:159.922.262(571.54-21Кяхта)

Когнитивные карты города Кяхта

Настоящая статья написана в рамках проекта «Российско-монгольская граница: прообраз Евразioreгиона?», осуществлявшегося силами ЦНСИ (Санкт-Петербург) и ЦНСИО (Иркутск) при поддержке фонда Форда в 2003-2004 гг. Исследовательским полем был выбран участок государственной границы между городами Кяхта в Бурятии и Алтын-Булаг в Монголии. Основной целью проекта было осмысление «феномена приграничности» и анализ процесса формирования «евразioreгионов» (по аналогии с еврорегионами) как новых центров развития периферийных районов на границе двух государств. В этой связи особое внимание в работе уделялось изучению ресурсов и ограничений границы, «точек» сотрудничества и конфронтации на уровне *повседневной* деятельности жителей *пограничья*, новых перекрывающихся/расходящихся структур и практик, неформальной приграничной экономики и т.п. Исследование проводилось в рамках качественной методологии с использованием глубинного интервьюирования, наблюдения и дискурсивного анализа текстов.

Для расширения исследовательского инструментария мы использовали *метод когнитивного картографирования*. Он позволяет понять, какие реальные городские объекты включены в представления горожан о городском пространстве (например, граница); каким образом они структурированы; какие смысловые центры важны, а что оказывается на периферии или даже вытесненным; какое графическое воплощение городские объекты получают в картах горожан. Через анализ карт возникала возможность увидеть смыслы границы как городского объекта (государственная граница с Монголией расположена в черте города Кяхта). В социальном смысле граница призвана конституировать «своё» пространство, воспроизводить не только представления о дихотомической структуре

жизненного мира, но и зону общей повседневности [Бредникова, Воронков 1999]. Анализ карт был призван отобразить повседневные практики государственной границы, её смысловое восприятие горожанами.

Когнитивная карта: человек и пространство

Метод когнитивного картографирования пришёл в психологию и социологию из географии. Изначально под когнитивными (ментальными) картами понималась *мысленная схема пространства*. Позже появилась иная трактовка этого термина как карты, отражающей не только *представления* некоторого субъекта о наличии и взаимном расположении объектов, но и *графическое изображение* любых внепространственных отношений [Голд 1990: 173]. Использование этого метода можно встретить в книге К. Линча «Образ города» [Линч 1982], а также в работах С. Милграма по социальной психологии большого города [Милграм 2000]. С. Милграм вводит термин «психологическая карта» – ведь при анализе и интерпретации карт используются техники проективной психологии.

При осуществлении метода когнитивного картографирования мы предлагали информанту *нарисовать схематично город, в котором тот живёт*. «Рисуйте всё, что приходит в голову», – поясняли мы. Составление карты предваряет беседа, введение информанта в тему. Процесс изображения обычно сопровождается спонтанными комментариями самого информанта, также представляющими ценность. Часто в них можно услышать логику выстраивания карты; смыслы, приписываемые тому или иному объекту. Метод может быть как автономным, так и сопровождаться интервью. Интерпретируя, что и как информанты изображают на самостоятельно выполненной когнитивной (ментальной, психологической) карте, мы стремимся выявить значимые для человека составляющие городской среды, его взаимоотношения и взаимодействия с этой средой, компоненты городской идентичности. По С. Милграму, «спонтанная последовательность отображения элементов городской среды <...> может рассказать нам, что появляется в их [горожан. – Т.Т.] сознании в первую очередь, когда они думают о городе. То, что представляется наиболее значимым, возможно, и появляется первым» [Милграм 2000: 78]. В пояснениях, сопровождающих изображение, может прозвучать то, что больше всего волнует человека, и из таких высказываний можно реконструировать его жизненные стратегии. Таким образом, карта становится отражением пространства, где разворачиваются жизненные сценарии информанта.

Так, например, на *рис. 1* – когнитивная карта молодого офицера, направленного в Кяхту после окончания военного училища. В городе он находится всего три месяца, и Кяхта ему нравится – он комментирует: «*Не самая последняя дыра, могло быть и хуже. Других в горячую точку закинули...*». На его карте город представлен не элементами схемы, как того требовала инструкция, а объёмными рисунками. Молодой офицер изобразил основные символы «туристической Кяхты» – церковь, музей, а также городской парк, что в ряду других карт наделяет этот «город молодого офицера» некоторой привлекательностью и романтичностью. Эти объекты – основные точки приложения его интересов на данный момент. Возможно, такое видение города связано с тем, что молодой офицер недавно познакомился с красивой девушкой, студенткой медучилища – наша беседа с информантом проходила как раз во время ожидания его спутницы. Изображённые на карте городские объекты – места их встреч.

Таким образом, перед нами индивидуальная личностная карта трехмесячной городской жизни. Представленная часть города выглядит непропорционально большой относительно остальной городской территории. Расстояние между церковью и музеем около километра, и это пространство заполнено основными административными объектами города. Именно эти объекты – «Белый дом» (городская администрация), Дом культуры, рынок, магазины («Торговые ряды» или «Гостиный двор») – чаще всего рисуют коренные жители Кяхты. Однако в жизни выпускника военного училища они в данный момент не играют никакой

роли. «Неизображённое» – это безразличное или незнакомое, *неосвоенное* пространство. Можно даже говорить о некотором «схлопывании» этого пространства, его *обезличивании*. Возможно, пройдёт ещё несколько месяцев, и на карте офицера появятся и другие объекты, например, дом, где он получит жильё. Вероятно, уйдёт туристское восприятие провинциального городка, а на карте добавятся обыденные «магазин» или «место работы». Схема будет насыщаться новыми значимыми жизненными объектами по мере накопления опыта.

Рис. 1

Структурирование пространства: Центр и «районы»

Мы наблюдали две *стратегии построения карты* информантами: от центральной части города в сторону окраин; и, наоборот, от государственной границы и её окрестностей к центру. Вероятно, это и есть два способа осмысления пространства города. В первом случае можно говорить, что центр города «собирает» вокруг себя городское пространство, а периферия менее значима. Во втором – акцентируется и определяется некий край, откуда, по мнению информанта, начинается город (или даже страна). В этом проявляется иной масштаб восприятия пространства и измерения своей жизни, иная точка отсчёта, иное начало. В данном случае важно понять что обособляется, что оказывается *за пределами* «своего» мира.

Автор карты на *рис. 2* – молодой, первого года службы лейтенант – выстраивает свою структуру города из перспективы «окраины» или «начала». Изображение начинается с границы, но не с привычной *линии*, а с контура Воскресенской церкви. Географически церковь находится рядом с государственной границей и практически на территории гарнизона. В данном случае церковь выступает «привязкой» к пространству и становится центром композиции рисунка. Хотя Воскресенская церковь, бывший форпост православия

на границе империи, давно уже не действует и пребывает в весьма плачевном состоянии, она по-прежнему несёт на себе отпечаток былого величия и наделяется важными смыслами «отправной точки». Контур церкви для лейтенанта становится символическим началом «разворачивания» всего городского пространства. Комплект городских объектов, освоенных лейтенантом за год службы и отображённых на карте невелик: *церковь, рынок, дорога*. Большую часть своего времени он проводит на погранзаставе. Посещения рынка в центре города – яркое событие в ряду служебной повседневности, обозначенное отсутствием развлекательных учреждений и практически отсутствием городского транспорта. Показательно, что на карте появляется крупный знак, обозначающий стоянку такси, – вероятно, важный, чтобы успеть вернуться на службу.

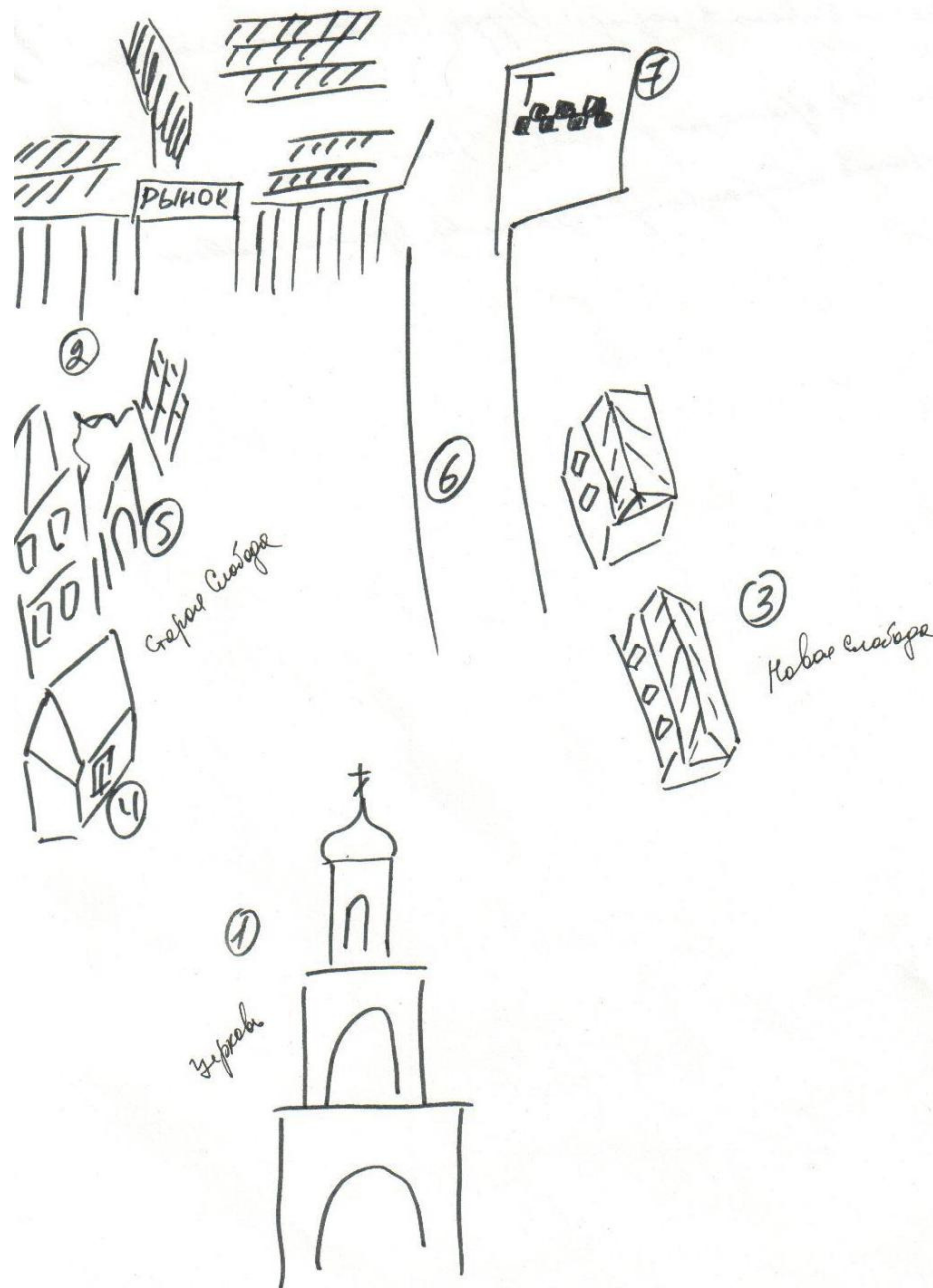

Рис. 2

На картах жителей Кяхты легко вычленяется пространственный локус центра города. В комментариях так и звучит: «Здесь центр». Это системный узел, «стягивающий» расположенные вокруг районы. Центр обычно представлен такими объектами, как парк, торговые ряды (кстати, это название ряда магазинчиков имеет исторический контекст, отсылая к временам интенсивной дореволюционной торговли с Китаем и Монголией), рынок, здание городской администрации – «белый дом». Трудно говорить о какой-то определённой доминанте, хотя, пожалуй, парк лидирует по частоте изображения. Центр не нагружен какой-либо яркой характеристикой, но составители карт ориентируются на этот пространственный локус как на одну из опорных точек в построении карт города. Его почти всегда наносят на карту – вне зависимости от того, где проживает человек. Иногда начинают с Центра и разворачивают пространство в сторону своего дома; иногда, напротив, следуют от места своего проживания и до Центра, игнорируя оставшееся пространство. Человеку важно структурировать и упорядочить пространство проживания, исходя из логики своей жизни. Обобщение пространства в номинацию «Центр» характерно для жителей небольших городков. «Сходить в Центр» – практика «выхода» из рутины повседневности, наделённая элементами ритуала: перед выходом надо «приодеться», в центре купить и съесть мороженое и т.п. Центр – пространство, образованное жизненными практиками и разделяемыми смыслами «выхода» из повседневности.

Отдельные районы города часто изображены на картах как замкнутые и самостоятельные объекты. Карта представителя городской администрации (рис. 3) хорошо структурирована, содержит целостное представление о городском пространстве и о происходящем в городе. Рисуя карту, автор комментирует:

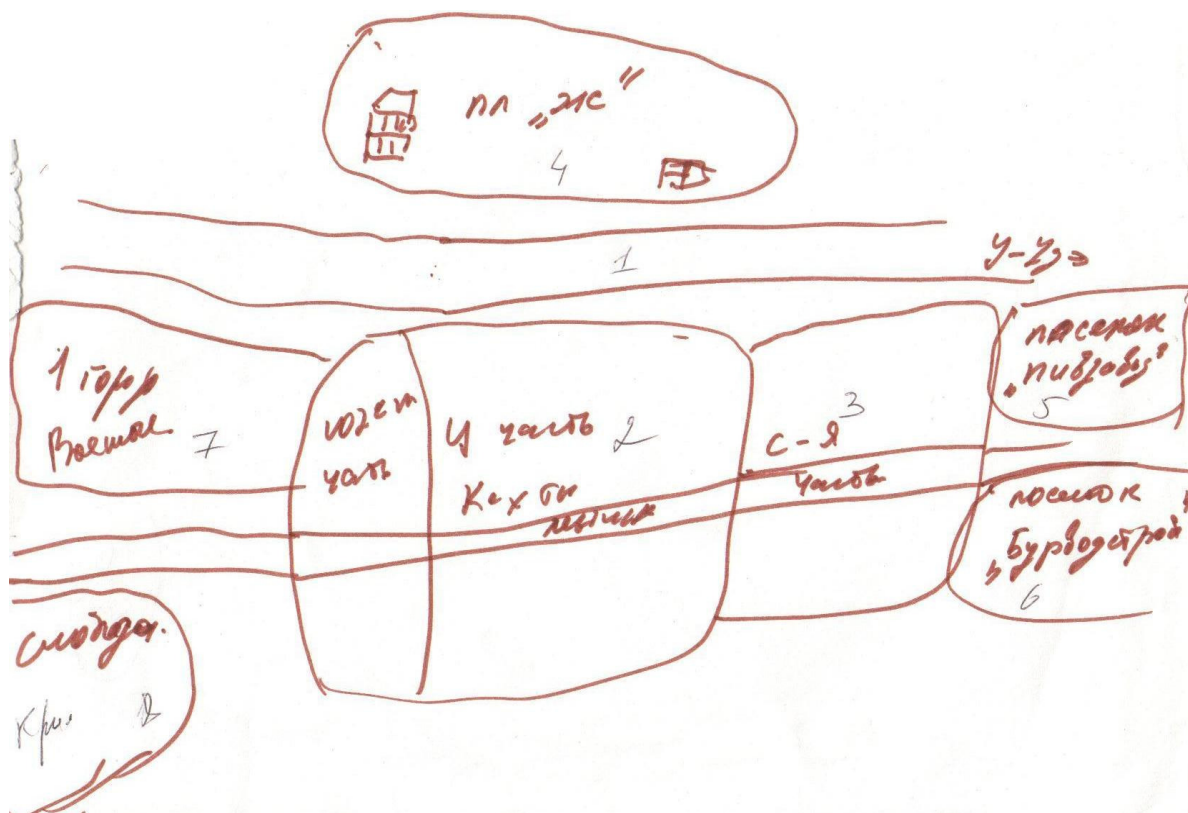

Рис. 3

Вот так вот трасса идёт. В Улан-Удэ. Здесь вот памятник стоит, это «шпиль» [памятник павшим в Великой Отечественной войне воинам-кахтинцам. – Т. Т.]. Вот здесь площадка «Ж» – жилой массив на той стороне дороги. Там военные. Дорога идёт, вот сюда сворачивает, и этот посёлок называют «Негритянка» <...> Вот здесь СПТУ <...> Вот этот – как бы «буржуйка» в своё время образовалась фабричная [о районе Слобода. – Т.Т.]. Начальство и так далее. Вот эти хорошие благоустроенные дома на земле стоят, особняки. В старой Слободе <...>, в основном, работники фабрики живут, вот в этих микрорайонах. Здесь, в основном, все безработные живут. Ну, некоторые служащие правда отсюда, то есть костяк <...>. Буряты больше живут вот здесь, на горе, где Заречка, потому что там нельзя заниматься земледелием. Мало-мало копаешь, там скала. Немножко картошку сажают, вот и всё. Это район «Бурвода» (из интервью)

На карте районы обведены чёткими графическими линиями. Их замкнутость может свидетельствовать об определённой целостности районов и характеризовать их как автономные и самодостаточные, что обусловлено концентрацией жизни вокруг предприятия или какого-то производства, где работает основная часть жителей района. Убедиться в этом помогает топонимика: названия районов «Пивзавод», «Бурвода» (по строительной организации «Бурводстрой»), «Погранотряд» давно вошли в обыденный язык. При этом каждый район города чиновник наделяет своими социальными характеристиками: «буржуйка» с «начальниками» и «особняками» или районы, где живут «работники фабрики», «буряты» и т.п. Здесь хорошо прочитывается взгляд «управленца» и функция контроля за городским пространством, стремление свести город к гомогенизированным и «разграниченным» общностям, без учёта разнообразия. Возможно, такое структурирование – конвенциональное, но нам важно, что так город видит человек, обладающий не только «властью номинации», но и «властью управления и контроля». Только на карте чиновника налицо всеобъемлющая и при этом гомогенизированная «картинка» города – на картах других горожан, как правило, более акцентирован и определён лишь свой район проживания и его окрестности.

Старая Кяхта

Помимо «центра» и «районов», на когнитивных картах вычленяется ещё один пространственный локус – Старая Кяхта. Его присутствие «прочитывается» в таких объектах как церкви, старые дома, торговые ряды, гостиный двор, дом Лушниковых (памятник архитектуры XIX в.). Они есть на многих картах; церквниц авторы обычно прорисовывают более детально. Изображение Старой Кяхты сопровождается активными комментариями и всегда проходит более эмоционально. Так, автор карты на *рис. 4* комментирует своё изображение так:

Ну, вот, по улице Ленина дома... ну, какие они, в основном, торговля – купеческие. Когда идёшь просто по улице – старый купеческий дом. Какие-то резные наличники, какой-то свой дух того времени. Вот это меня больше всего...как-то в душе что-то затаивается (из интервью)

Старая Кяхта – это ресурс прошлого, с которым город не готов жить, поскольку ему не хватает средств на его «реанимацию» и поддержку. В то же время город не готов расстаться с этим ресурсом, чтобы обрести новые функции. Городское сообщество, обращённое к Старой Кяхте, не осознаёт, что величие прошлого стало лишь символом, и тяжесть этого величия не оставляет энергии для поисков нового предназначения. Отсюда возникает ощущение *двух географий*, двух пространств, существующих одновременно, но не соприкасающихся между собой. В Старой Кяхте воплощено наложение временных пластов, смешение сценариев прошлого и настоящего:

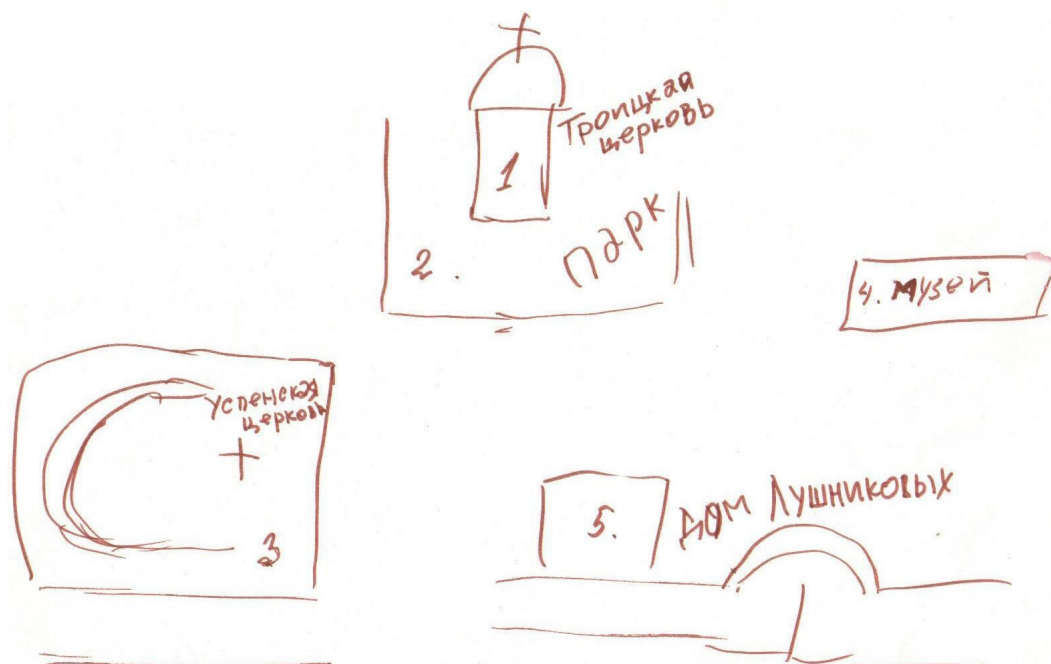

Рис. 4

Как правило, в одном старом купеческом бывшем доме, допустим, 4-5 квартир. Из них больше половины, можно сказать, это «бомжатники». Они пьют и горят у нас. Старые дома выгорают. За счёт того, что раньше в один дом пихали людей. Я здесь живу – за стенкой, ну не бомж, а... когда-то был рабочий, сейчас гуляет, пьёт. Собирается компания, смотришь – окуроч в матрац бросили... Это у нас большой вопрос – делёжка этих оград у домов и сохранение этих домов. Ни хозяина у них... Вот в чём дело-то... Стареет, в общем, дряхлеет, и у нас нету денег на капитальные ремонты. И капитально отремонтировать их тоже трудно, они снизу доверху гнилые (из интервью с инспектором по гражданскому строительству).

Дорога

Жители Кяхты довольно часто начинают изображение города с объектов типа «дорога» или «улица». Это одна из опорных точек в построении рисунка, организующая авторскую логику схемы «своего» города.

Частота изображения дороги – одна из особенностей изображения городского пространства Кяхты. Дорога – наиболее ёмкий связующий объект, отчасти отражающий некий «вектор развития» жизненных миров. На нескольких рисунках дорога уходит за линию границы – тем самым признаётся существование пространства «по ту сторону»; на некоторых – дорога обрывается (или начинается), не доходя до линии границы, как бы отрицая пространство за ней. На картах кяхтинцев жизненные миры ориентированы либо в сторону России, либо в сторону Монголии.

Автор карты на рис. 5 – женщина, проживающая в приграничном районе Слобода и работающая в столовой бывшей трикотажной фабрики, ныне приспособленной под небольшую гостиницу. Выстраивание своей карты она начала с *дороги*, изобразив её достаточно широкой и занимающей значительную часть рисунка. *Дорога* – центр композиции рисунка, некая *точка отсчёта* всего остального пространства. После неё женщина изобразила здание бывшей трикотажной фабрики, на которой работала более 15 лет, жилые дома и церковь. Гипертрофированные размеры дороги подчёркиваются незначительностью

изображённых в виде маленьких квадратов и треугольников типовых пятиэтажек. На их фоне выделяется размерами лишь здание бывшей трикотажной фабрики, т.е. место работы. Дорогу с правой стороны рисунка женщина «отсекла» линией границы. При этом, впрочем, дорога продолжается за линию границы, а не обрывается, как чаще всего изображается на других картах. На рис. 5 город представлен только районом проживания информанта, а дорога – главный объект в её городе.

В биографическом интервью женщина говорила о безработице и тяжёлом положении жителей приграничного района, о бесперспективности проживания в этом городе. Вероятно, изображённая на карте дорога – её видение решения проблем. Дорога с одной стороны пересекается границей, с другой – просто обрывается. Не обозначены конечные пункты этой дороги – это может быть связано с отсутствием какой-либо конечной цели её жизненного пути, с интенцией «выхода» или «ухода».

Вместе с тем, часто у дороги есть свой пункт назначения. Например, городской чиновник первым объектом изобразил трассу в Улан-Удэ, в республиканский центр. Приехавший в Кяхту по делам предприниматель, встреченный нами на международном автомобильном пропускном пункте (МАПП) в ожидании партнёра с «той стороны», начал изображение города с дороги, ведущей к границе. Подобная направленность дороги не только вписывает объекты в более «развёрнутое» и масштабное видение пространства, но и задаёт своеобразные рамки референции («федеральная дорога», «республиканский центр»), при этом «высвечивая» и жизненные сценарии информантов.

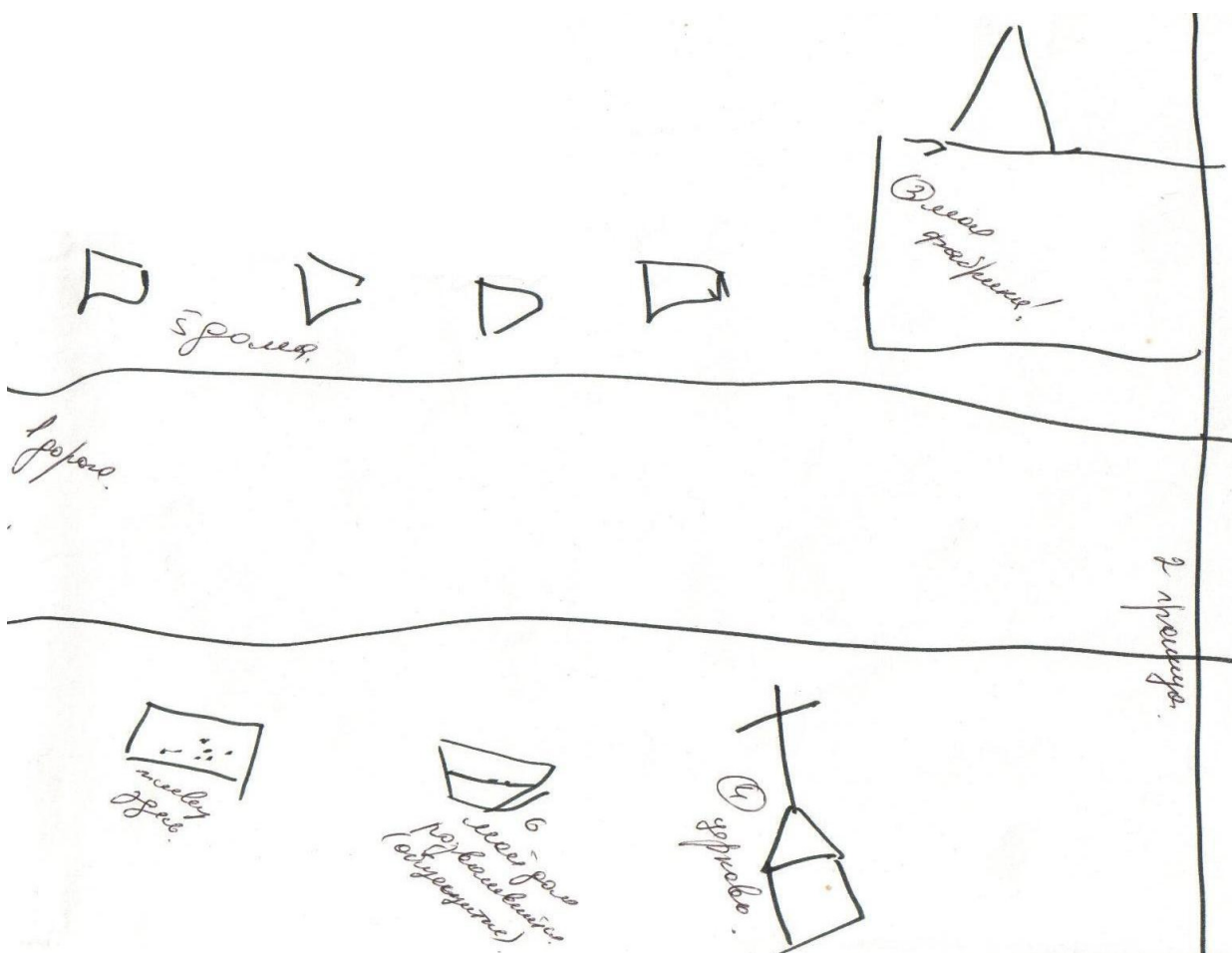

Рис. 5

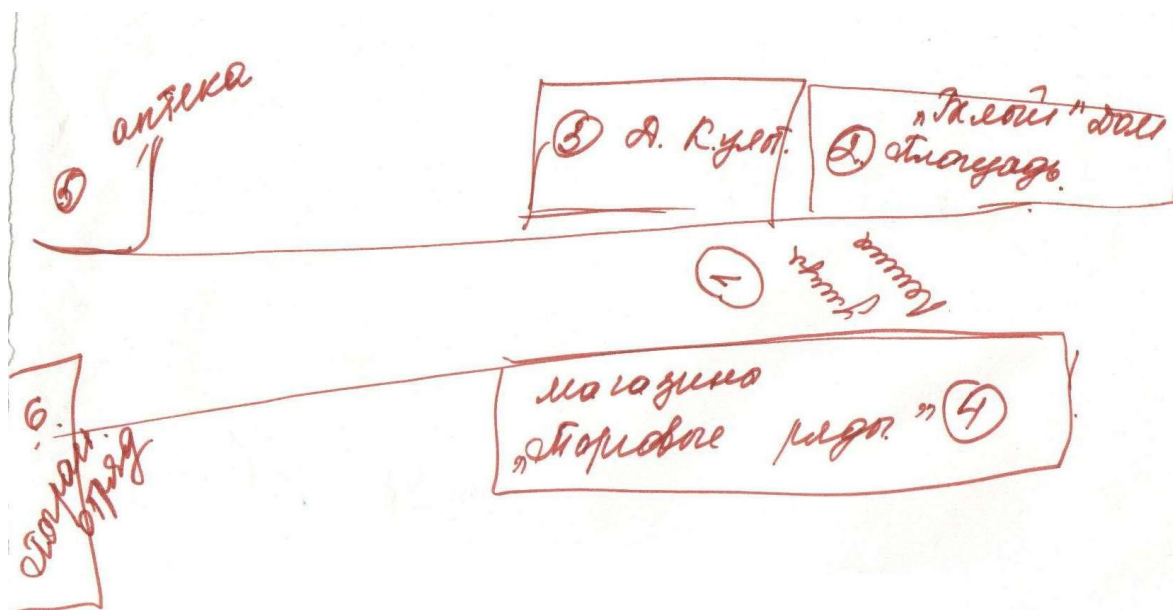

Рис. 6

Особое значение на картах-схемах жителей города приобретает *улица Ленина* – центральная улица Кяхты. Часто это не только структурообразующий элемент рисунка, организующий другие значимые объекты, но и важный самостоятельный объект в городском пространстве. Как правило, эта улица в Центре поименована, а ближе к окраинам становится просто *дорогой*. Молодая женщина, жена офицера и коренная жительница Кяхты начала составление карты (см. *рис. 6*) именно с улицы Ленина. Изображённая часть улицы проходит в центре города, объединяя такие важные для информантки объекты как «белый дом», дом культуры, центральную площадь и торговые ряды. Этот отрезок улицы – важный элемент её жизненного пространства. Жена офицера, она довольно часто посещает торговые ряды: прикупить китайский товар или что-то из гардероба. Женщина изобразила место своей работы (библиотеку) и место проживания (погранотряд), «вырезав» при этом значительную часть той же улицы Ленина, чтобы соединить в рисунке значимые для неё локусы пространства.

Приграничный город

На карту коренного жителя Кяхты (см. *рис. 7*) *граница* была нанесена самой первой. Автор работает на таможне, но на работу устроился только несколько месяцев назад. Он рассказывает-вадет, что «*найти такую работу*» было большой удачей. Пространственная перспектива карты выстраивается от границы как отправной точки; «разворачивается», отталкиваясь от неё.

Тут, несомненно, возможны интерпретации, связанные со значимостью границы в жизни информанта (место работы, удачные перемены в жизни), однако проблема в том, что информант знал о целях нашего исследовательского проекта заранее. Следовательно, подобное структурирование карты может быть обусловлено ориентацией на сотрудничество с интервьюером. В этом состоит одна из опасностей нашего метода – всегда очень важно понимать *контекст* самого процесса изображения.

Кяхта – город, расположенный на самой российско-монгольской границе. Мы предполагали, что историческая обусловленность и географическое положение должны сделать *границу* одним из смыслообразующих объектов в городском пространстве. Однако, как оказалась, её изображение *редко* присутствует на картах горожан. Государственная граница практически не «вписана» в городское пространство, в ландшафт города. Там же,

где граница всё-таки изображена, можно выделить несколько способов её обозначения и, соответственно, отношения к ней. *Первое смысловое поле* составляет государственный дискурс. Так, на *рис. 8* – карта жителя Улан-Удэ, приехавшего по торговым делам в Кяхту. Рисовать карту он начал с федеральной дороги, затем изобразил военную часть и *границу* в виде линии и колючей проволоки, штрихами обозначив пограничные ворота. Лишь *после* этого он приступил к изображению *самого* города. При этом город отделён от пространства границы чёткой графической круговой линией.

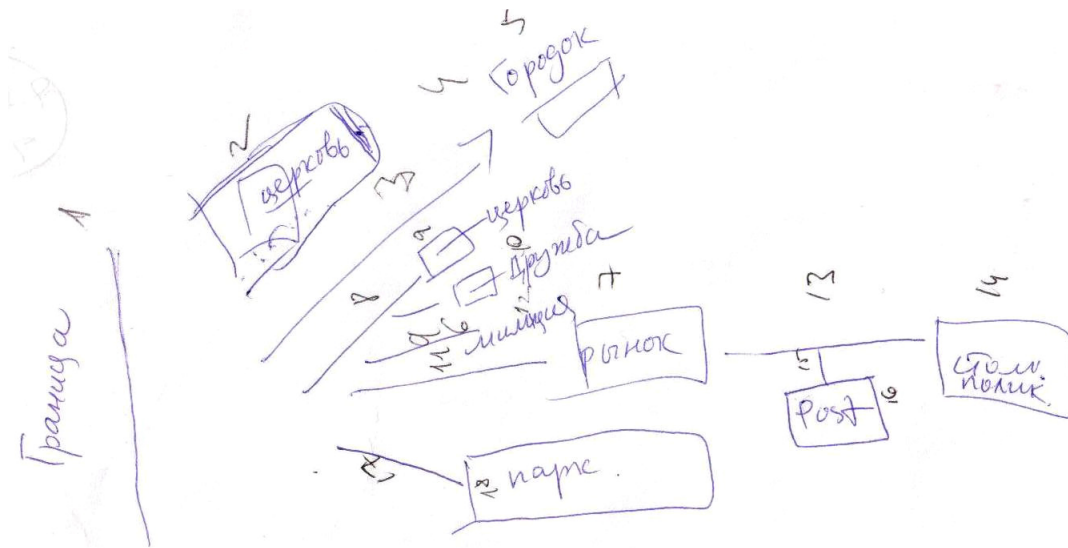

Рис. 7

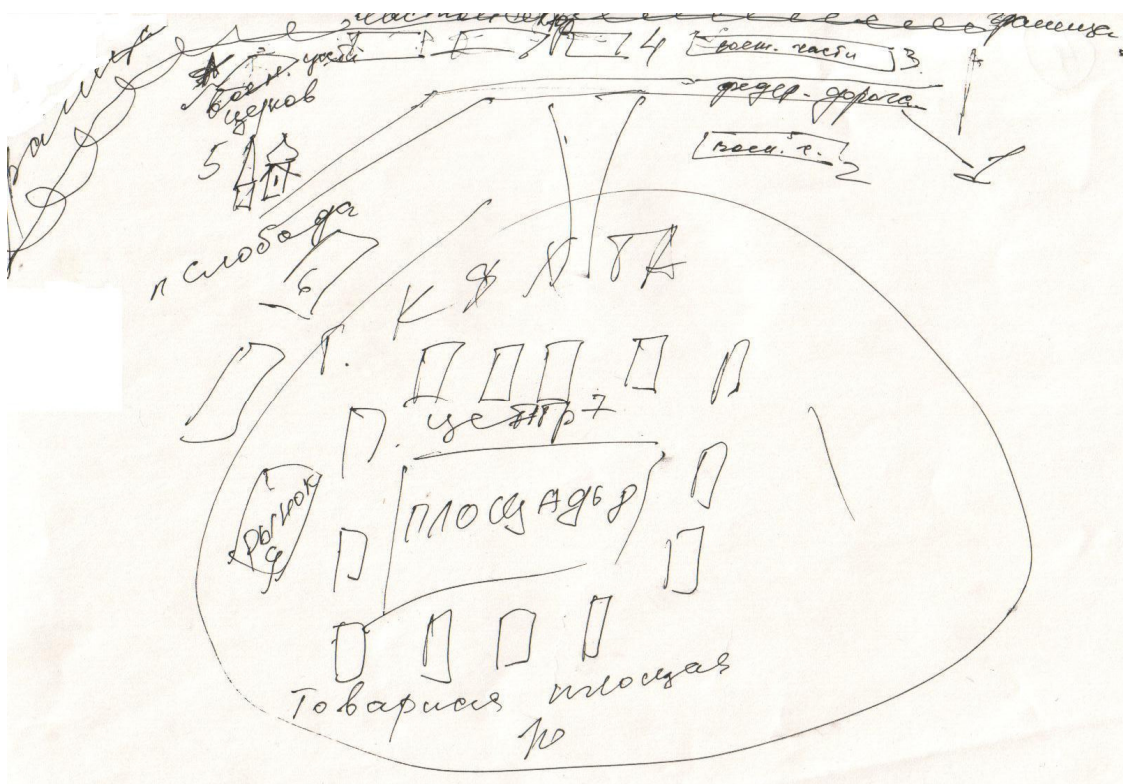

Рис. 8

Выяснилось, что в самом городе информант бывает редко и почти его не знает. Он решает свои дела на приграничной территории и возвращается в Улан-Удэ, не заезжая в Кяхту. Для него город и граница существуют *отдельно* и независимо друг от друга. На рисунке граница представлена целым комплексом символов и графических объектов, особенно показательна среди них колючая проволока. Этот символ характеризует образ границы как *закрытой*, недоступной и несколько враждебной. Это почти что «железный занавес», хотя на линии границы и обозначены ворота.

Такое изображение границы *не характерно* для жителей Кяхты. На их рисунках граница, как правило, представлена в виде *небольшой* линии. Часто, как мы отмечали выше, город «начинается» с границы. Не было рисунков, где город «заканчивался» бы границей. При этом сама условная черта графически никак не «обыгрывается», не дополняется другими элементами, значит – не имеет особого символического выражения не наделяется особыми *государственными* смыслами. Значение этой линии, скорее, просто в разграничении пространства.

За таким изображением, на наш взгляд, можно увидеть *второе смысловое поле* границы. Там, где граница вошла в рутину жизни, утрачивается её «высокий» смысл (разделение двух государств). В Кяхте она приобретает обыденный смысл, и своей естественностью *не выделяется из ряда других городских объектов*. Она не акцентирована, не актуализирована. Граница присутствует, но без особых внешних выражений, без особого интереса к ней:

Граница – это...ну, она не воспринимается. Граница – это часть нашей жизни. Даже на «нейтралке» сейчас сажают картошку. Не все, конечно, но есть. Проезжают, делают пропуск, по заставе проходят и всё. Торговля идёт. Монголы, наши туда ездят (из интервью).

В повседневной речи кяхтинцев часто звучало не слово «граница», а выражение «*та сторона*» или просто «там», «туда». В этом словоупотреблении прочитывается не столько официальный дискурс границы, сколько *повседневный*. Заграничная территория оказывается освоенной и «присвоенной», т.к. происходит некоторое расширение пространства повседневности и выход рутинных практик за национальные пределы. При этом государственная граница уже не осмысляется как таковая. Так, на некоторых картах условная линия границы расплзается, расширяется до квадрата площадки около МАПП. Тут сложилась стихийная инфраструктура, обслуживающая пересекающих границу: кто-то подрабатывает таксистом, кто-то на импровизированных прилавках из картонных коробок продаёт домашние пирожки, чай, семечки и сигареты. Здесь в ожидании своей очереди перейти границу находятся туристы и «кэмелы» – люди, которые за определенную плату переносят товар «челноков», ограниченных нормой груза в 50 кг на человека.

МАПП – самое оживлённое место в Слободе; здесь динамичность жизни резко контрастирует с затухающим ритмом самого городского района. МАПП стал *новым публичным пространством* района: сюда приходят не только за тем, чтобы подработать, но и просто встретить знакомых, пообщаться. В Слободе граница больше «вписана» в жизненное пространство и жизненные стратегии людей, что, безусловно, способствует «приземлению», трансформации высоких государственных смыслов, приписываемых границе.

* * *

Карта как источник, который конструируется по инициативе исследователя, становится *контрапунктом*, где «встречаются» образ города и жизненные смыслы человека. На когнитивной карте проступают неявные взаимосвязи, и за счёт этого расширяется наше понимание социальных процессов в городе. В настоящей статье мы представили одну из возможных перспектив исследования городского пространства и жизненных сценариев его жителей. В заключение ещё раз отметим выявленные составляющие уникальности города Кяхта.

Так, в карты города, как правило, обязательно «вписаны» Центр и отдельные городские районы. При этом Центр един: он вбирает в себя и административный, и торговый, и развлекательный компоненты, и ни один из них не доминирует. Отметим и некую автономность, замкнутость и самодостаточность разных районов города, в том числе и Центра.

На картах горожан можно зафиксировать наличие «двух географий» – современной и старой Кяхты. Для кяхтинцев очень значимым оказалось прошлое их города как предмет гордости и потенциальный туристский объект. Однако Старая Кяхта нигде не пересекается с современной; эти «две географии» сосуществуют и поочередно востребуются в различных ситуациях. *Дорога* на когнитивных картах отражает смыслы и значения периферийности и транзитного положения города. Она также включается в жизненные сценарии горожан, отражая интенции и «вектор» их жизненных проектов. Наряду с направленностью в республиканский центр (Улан-Удэ), актуальным оказывается направление в сторону границы, в Монголию.

В карты приграничной Кяхты включена *граница*, однако её сопоставимо с другими городскими объектами. Граница оказывается более важной для жителей приграничного района Слобода. При этом «высокий» смысл границы (линия раздела национальных государств) практически не проявляется. Близость границы и её пересечение становятся *рутиной*, а заграничное пространство осваивается и отчасти «присваивается», то есть становится «своим».

Литература

Бредникова О., Воронков В. Граница и реструктурирование социального пространства (случай Нарвы–Ивангорода) // Кочующие границы / Под ред. О. Бредниковой, В. Воронкова (Труды ЦНСИ. Вып. 7). СПб.: ЦНСИ, 1999. http://www.indepsocres.spb.ru/bredvv_r.htm.

Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии. М.: Прогресс, 1990.

Линч К. Образ города / Пер. с англ. В.Л. Глазычева; сост. и ред. А.В. Иконников. М.: Стройиздат, 1982.

Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер, 2000.